

Щечн—Смѣйся, шути.

Щемота—Ноющая боль въ какой нибудь части тѣла.

Я.

Яблоки—Картофель.

*Язвнца—Варсукъ.

М. Герасимовъ (С. Курилово Черепов. у.)

Говоръ жителей сѣверо-восточной части Вытегорскаго уѣзда Оло- нецкой губерніи.

(Волости—Ухотская, Тихвинская и Шилдская).

Волости—Ухотская, Тихвинская и Шилдская по этнографическому составу и по географическому положенію представляютъ изъ себя одно цѣлое. Онѣ лежатъ въ сѣверо-восточномъ углу Вытегорскаго уѣзда на границахъ съ уѣздами Каргопольскимъ (Олонец. губ.) и Кириловскимъ (Новгородской губ.). Въ древности здѣсь, вѣроятно, обитала Заволоцкая Чудь, какъ показываютъ самыя названія этихъ волостей и сохранившіяся здѣсь преданія. Однако русскіе поселились здѣсь весьма давно—нѣсколько столѣтій тому назадъ¹⁾, такъ что слѣды первоначальнаго обитанія здѣсь Чуди совершенно изгладились. Народное преданіе указываетъ болѣе позднѣйшее столкновение Чуди съ русскими, не оставшееся безъ вліянія на послѣднихъ. Такъ, въ Ухотской волости существуетъ преданіе, что когда здѣсь утвердилось русское населеніе и явилось уже церковь, Бѣлоглазая Чудь сдѣлала нападеніе на него. Не дойдя немного до церкви, она стала ругаться и смѣяться надъ нею, за что была чудесно ослѣплена и избита другъ другомъ. Только два три человѣка уцѣлѣли отъ этой шайки и поселились въ деревни Никифоровой, отъ которыхъ жители послѣдней и теперь называются «каюрами черноухими» и сохраняютъ особенность въ говорѣ—«типанье» (отсюда они называются «тапунами»). Несомнѣнно, на жителей этихъ волостей отчасти отразилось чудское вліяніе, чѣмъ объясняется и существованіе въ ихъ языкѣ финскихъ словъ (шалтатъ, рипакъ, бахилы); но вліяніе это было чисто случайное и весьма слабое и не могло положить своего отпечатка ни на физическомъ типѣ, ни на бытѣ, ни на говорѣ жителей. Не осталось безъ вліянія въ этнографическомъ отношеніи то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей (въ Ухотской) долгое время существовало крѣпостное право²⁾, котораго не знали другія волости Вытегорскаго уѣзда. Оно вліяло отчасти на этнографическій составъ населенія, такъ какъ помѣщики весьма часто переселяли сюда крестьянъ изъ другихъ областей Россіи (напр. изъ среднихъ). Такимъ образомъ съ самыхъ первыхъ временъ колонизаціи этого края различными выходцами изъ Новгородской и особенно изъ Бѣлозерской области—населеніе его слагалось изъ разныхъ элементовъ, и подъ разными вліяніями. Забывшееся въ самую глушь края, окруженное лѣсами и болотами, свободное въ главномъ отъ иноподчиненныхъ вліяній, оно до послѣдняго времени сохранило у себя древне-русскія черты и въ своей физиономіи и бытѣ и говорѣ. По физическимъ свойствамъ

¹⁾ Церкви этихъ приходовъ построены около 250 лѣтъ тому назадъ,—а въ Паловскомъ приходѣ (Ухотск. вол.) болѣе 300 лѣтъ.

²⁾ Въ Ухотской волости было до 20 помѣщичьихъ. Поселеніе ихъ народъ объясняютъ тѣмъ, что давно-давно здѣсь смирѣпствовали разбойники, для усмиренія которыхъ были посланы правительствомъ чиновники. Живя здѣсь долгое время, они прибрали себѣ лучшія земли и поселились здѣсь навсегда.

здѣшніе жители представляютъ изъ себя вполне русскій типъ. Росту они выше средняго, черты лица имѣютъ довольно правильными и крупными, волосы русые или черноватые, глаза свѣтло-сѣрые или каріе; въ характерѣ ихъ выдаются простота, доброта и радушіе. Одежда ихъ до сихъ поръ сохраняетъ особенности древне-русскаго костюма. Женщины носятъ сарафаны, рубашки съ широкими и короткими рукавами, пуганъ, а на головѣ—перевязки и кокошники. У мужчинъ сохраняются длинныя сибирки, кафтаны, тулумы (въ послѣднее время начинаетъ проникать сюда и нѣмецкая городская одежда, въ родѣ—пиджаконъ, плавань, казачковъ и т. п.). Въ самой архитектурѣ зданій сохранились древне-русскія черты. Высокія избы на два ската съ рѣзными князьими, съ рѣзными или расписными наличниками у оконъ, съ открытой рѣзной «галдареей»—весьма часто встрѣчаются въ здѣшнихъ селахъ на ряду съ новыми домами на городской манеръ. Здѣсь же сохранилась масса чисто русскихъ обычаевъ, а также цѣлое богатство словесныхъ произведеній народнаго творчества въ родѣ причетовъ, заговоровъ, духовныхъ стиховъ, апокрифовъ и т. п.

Безъ сомнѣнія, и говоръ здѣшнихъ жителей сохраняетъ многія древне-русскія особенности.

Одна изъ основныхъ чертъ здѣшняго говора—оканье.

Древнее неударяемое *о* сохраняется вездѣ (*сотона, зоря, стоканъ, отлѣсъ, колачъ, крошва*). *О* во всѣхъ словахъ произносится открыто и твердо, такъ что произношеніе такихъ словъ отличается грубостью и непріятно рѣжетъ слухъ. Есть даже нѣсколько словъ—гдѣ *о* переходитъ въ *у* (напр. яблунъ). Аканье не пользуется сочувствіемъ крестьянъ и подвергается насмѣшкамъ, какъ нѣчто не естественное, фальшивое. Кто акаетъ, тотъ, по выраженію крестьянъ, старается говорить «по-московски», «по-питѣрски».

А произносится открыто и ясно только послѣ твердыхъ согласныхъ.

Древнее неударяемое *е* въ среднѣхъ и концѣхъ словъ произносится какъ *ѣ* (*Стѣпанъ, кудраватой, вѣрно, мѣтѣрной, пшею, рожденьѣ, прощаньѣ, серцѣ, играеть*), а въ среднѣхъ нѣкоторыхъ словъ даже какъ *о*. Вообще *ѣ* на ряду съ *о* царитъ въ здѣшнемъ говорѣ. Оно вездѣ предпочитается мягкому открытому *е*, гдѣ только безъ рѣзкаго неблагозвучія можно поставить первое (*сѣной, —седьмой, осѣной, телѣга, шагаеть*); благодаря этому часто измѣняются въ произношеніи и слѣдующія за *ѣ* гласныя (напр. осѣнной вм. осенній, сердеснѣё вм. сердечное, синѣё вм. синее).

Я всегда произносится какъ *е* (*дедя, дьдѣкъ, детѣль, огнетъ, пегъ*); впрочемъ, въ концѣхъ словъ, кромѣ возвратной частицы *ся*, оно сохраняетъ свое настоящее произношеніе (*ниа, синя, обидня*).

Ударяемое *ь* выговаривается какъ *и* (*дыти, рипька—рѣчка, обидня, витѣръ, здись*).

Чистое, открытое *е* въ здѣшнемъ говорѣ слышится весьма рѣдко: оно переходитъ въ *ѣ* и даже *о*, или выговаривается какъ *и* и *я* (*синяна, няня*).

Ае часто произносится какъ *а*, а *ое*—какъ *о*. Первое произношеніе особенно встрѣчается въ глагольныхъ окончаніяхъ (*делаешь, играешь, шагаешь*), а второе—предъ окончаніемъ родительнаго падежа *во* (*ново, свово, твово*).

Бм и *бѣ* выговариваются—1-е какъ *мм* (или просто *м*), а второе—какъ *ѣѣ* (*омманъ=обманъ, омилель=обмелель; оевкипеть=обвѣчать, озоровать=обворовать*).

Хѣ произносится какъ *ѣ* (*ѣастунъ, ѣорость=хворость, ѣосгъ, ѣоя=хвоя*).

К предъ *р* часто выговаривается какъ *х* (*хресьеннъ, хресьница*).

Ж предъ согласными (особенно предъ другими *ж* и *з*) выговаривается какъ *жд* (*ждрать, ѣждяль, држди, вожди*).

Г всегда произносится съ густымъ придыханіемъ, близко къ *х*; въ началѣ словъ передъ гласными оно часто опускается (*Осподь, осударь, енераль, осподнъ*). Тонкое *г* никогда не слышится и при удобномъ случаѣ всегда переходитъ въ *в* (въ окончаніи родительнаго падежа *го*).

Щ произносится какъ *шт* (*штюка, шти, ромтя*).

Цоканье составляетъ основную черту здѣшняго говора. Здѣсь во всей силѣ сохраняется древне-новгородская особенность—замѣна звука *ч* звукомъ *ц*. Въ говорѣ мужичнъ естественно отличающемся большою твердостью и грубостью, цоканье выдается не такъ

сильно и рельефно; но въ говорѣ женщинъ оно доходитъ до слащавости, до приторности, цѣрной, цесь=честь, оци, цястой, стрпца=встрѣча, рици=рѣчи). Звукъ *ч* предъ *н* выговаривается какъ *сѣ*, при чемъ слѣдующая за *н* гласная смягчается—*ы* въ *и*, *о* въ *е* и т. д. (сердесный, носъне, молосный); *ч* предъ *т* приближается къ *ш* (што, помитень).

Замѣна звука *ц* звукомъ *ч* строго не соблюдается. *Ц* произносится какъ нѣчто среднее между *ч* и *ц* (ближе къ *ч*), не выражаемое определенной буквой, но никогда не выговаривается открыто и ясно.

Наряду съ доканьемъ нужно поставить другую особенность—стремленіе вообще къ легкому, плавному произношенію согласныхъ звуковъ, при чемъ неизбежно нарушается правильность и раздѣльность произношенія. Такъ, въ произношеніи слоговъ и суффиксовъ *ст*, *ств*—*т* всегда выпадаетъ (госъбищѣ, счѣсье=счастье, ротсво, ѣсва=яства, хресъенинъ, цесь=честь, жалосливой, милосливой). Вообще при соединеніи нѣсколькихъ согласныхъ, трудно произносимыхъ вмѣстѣ, они произносятся не всѣ; получается скрадываніе звуковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—плавность и мягкость произношенія (напр. скусно, сгрица, позно, врасвуи, сяко, сонцѣ, болѣсь=болѣзнь, журафь). Этими же стремленіемъ къ легкости и плавности произношенія—объясняется и выпусканіе въ возвратныхъ глаголахъ окончанія дѣйствительнаго залога *шь* (справлеисе=справляешься, одивансе, надисе, ругансе).

Указанными звуковыми особенностями опредѣляются и особенности въ образованіи грамматическихъ формъ.

Изъ нихъ замѣтнѣе слѣдующія:

Именит. и винит. падежи множеств. числа именъ существительныхъ на *з* и *ь* (имѣющихъ у насъ во множеств. ч. два окончанія *ы* и *я*)—оканчиваются на *зѣ* (колосъѣ, кореньѣ, поесъѣ, кольѣ, полосъѣ).

Родительн. п. предложн. падежи единств. ч. именъ женскаго рода оканчиваются часто вмѣсто *и* на *ь* (въ грезь, въ кровь, по путь, въ мекоть=мякоти).

Творит. пад. множеств. числа именъ существительныхъ вмѣсто *ями* всегда кончается на *еми* (напр. писнеми, братьеми, друзьеми, полеми).

Формы именит. падежа единств. числа именъ прилагательныхъ всегда имѣють *ой* (доброй, славной, мягкой, осѣнной, сцесливой, рѣдкой, миленькой), а послѣ мягкаго *н*—*ей* (см. *ид*); напр. синей, зимней, сердесней и т. п.

Родительный падежъ единств. числа прилагательныхъ мужскаго рода кончается на *о* и на *е*, но никогда на *о* или *я* (доброво, мокрово, рѣдково, синеве, зимнево).

Сравнительная степень именъ прилагательныхъ вмѣсто *не* имѣетъ *я* (красяя, полняя, синяя, добряя, а превосходная—образуется часто чрезъ прибавленіе нарѣчія *больно* (больно красивой, больно низкой).

Въ глаголахъ форма неопредѣленнаго наклоненія на *чь* замѣняется формою на *кчи* (*кчи*) текчи,=течь, сйкчи=сѣчь, легчи, толкчи); формы этихъ глаголовъ въ личныхъ окончаніяхъ настоящаго времени вездѣ сохраняютъ *ч*, *ц*: течемъ, хотите, толкчемъ, тецѣте.

Неопредѣленное наклоненіе глаголовъ возвратнаго и страдательнаго залоговъ вмѣсто «тсья» кончается на *тце* (одѣватце, ломитце, ругатце, соватце, коситце); во всѣхъ формахъ этихъ глаголовъ частица *ся* переходитъ или въ *се*, или *це*: гнетце, ломитце (3 л.), опоесьсе, убьютце, надійсе, а во второмъ лицѣ единств. числа предъ *ся* выпадаетъ окончаніе *шь*, при чемъ гласная предъ нимъ удлиняется (догáдывансе, опоесьсе, бранисе, носисе).

Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія *итъ* измѣняется въ *еть*, а окончаніе *итъ*—въ *итъ* (занеть, понеть, баетъ; гледитъ, питъ=пѣтъ, потитъ).

Формы—*ѣте* вмѣсто *естъ* (3 л.) и *иси* вмѣсто—*ѣшь*.

Нарѣчія мѣста и времени, кончающіяся на *а* замѣняютъ это окончаніе окончаніемъ *ы* (тогдаы, всѣгдаы, иногдаы).

Опредѣленные нарѣчія, образующіяся отъ именъ существительныхъ, по большей части оканчиваются на *сь* (вчерась, лѣтось, зимусь, вѣснусь, утрось, досюлесь).

Нѣкоторыя нарѣчія вмѣсто окончанія ъ принимаютъ я (опосля, вмѣстяхъ).

Формы личныхъ мѣстоименій: 1-го лица—*мя* (меня), 2-го л.—*тя* (тебя), *ты* (тебѣ), 3-го лица—*ѣна*, *ѣна*, *ѣно*, мн. ч.—*ѣне* (они и онѣ); другія мѣстоименія: *эв-тотъ* (зтотъ), *кажинной* (каждый), *колько*.

Союзы: *кожь* (какъ), *тожь* (такъ), *коли*, *коли ежели* (если), *ажно* (даже, такъ что, что).

Особенности числительныхъ слѣдующія: числительное *одинъ*, особенно въ соединеніи съ отрицаніемъ *ни* склоняется такъ: *единый*, *едново*, *едному*, *едными*; особенности другихъ числительныхъ—*двожды*, *трожды*, *шѣстой*, *сѣмой*, *осьмой*, *восьминадцеть* (18).

Междометія: *охти мнѣ*, *охти мнеченько* (горе, уву).

Относительно всѣхъ частей рѣчи нужно замѣтить, что полныя формы въ нихъ предпочитаютъ сокращеннымъ; напр. *молонья* (молянїя), *оболокъ* (облаво), *жеребей*, *середу*, *добѣрь*, *чѣрѣнь*; *угонилъ* (угналъ), *черезъ*, *передъ* и т. п.

Уменьшительныя, ласкательныя и увеличительныя слова во многихъ случаяхъ производятся довольно своеобразно; напр. *братѣлко*, *дѣвонька*, *дѣтовьки*, *малешкой*, *малехонкой*; *домина*, *собачица*, *большинской*, *толстинской*.

Нужно замѣтить еще частое употребленіе въ здѣшнемъ говорѣ частицъ *то*, *те*, *ты*, *ту*, *ко*, *се*. Особенно часто употребляются первыя 4 и представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ члена (*дорога-то*, *рѣки-те*, *поля-те*, *эку-ту*, *эко-ты* чудо!). Ни одно предположеніе не обходится безъ этихъ частицъ, а иногда онѣ употребляются черезчуръ часто (напр.:—*вчера-се-тка*, когда пошелъ ты въ дѣсь-*то*... *Пойдемъ-ко* вмѣстяхъ-*то*).

Указанныя особенности придаютъ особый характеръ говору здѣшнихъ крестьянъ. Въ произношеніи гласныхъ является твердость и растянутость рѣчи. Удареніе придаетъ гласнымъ почти двойную долготу въ сравненіи съ другими слогами, чему способствуетъ и замѣна ударяемыхъ короткихъ гласныхъ долгими. Всѣ гласные звуки произносятся откры о и твердо. Оканье и ѣканье придаетъ въ общемъ говору крѣпость и даже грубость. Стремленіе къ ясности и растянутости произношенія отдѣльныхъ слоговъ, вмѣстѣ съ удлинненіемъ конечныхъ слоговъ и частымъ употребленіемъ частицъ, которыя смягчаютъ рѣзкость перехода отъ одного слова къ другому и избавляютъ рѣчь отъ отрывчивости и усѣченности,—все это вмѣстѣ придаетъ здѣшнему говору особую плавность и мелодичность. Равномѣрно и правильно употребляющіяся сильныя ударенія еще болѣе усиливаютъ эти свойства рѣчи. Говоръ здѣшнихъ бабъ отличается музыкальностью особенно если слушать его со стороны.

Для образца здѣшняго говора приведемъ нѣсколько словесныхъ произведеній, записанныхъ со словъ одной крестьянки Ухотской волости.

Заговоръ—остуду кинуть (т. е. поселить нелюбовь).

Стану я не благословесь, пойду не перекрестесь, пойду ни двиреми, ни воротами, пойду косою огородой. Выйду я во чистоѣ полѣ. Во чистоѣ полѣ стоитъ дубъ. Поклонюсь я на всѣ цѣтыре стороны; поклонюсе и покорюсе. Вы послушайте-ко друзья-братья невірные. Друзья братья отвитали: пойди ко дубу, зайди въ дубъ. И въ эвтомъ дубу лѣжать двѣ кошки вмѣстяхъ хрѣбтами; бьютце, дерутце, цѣпаютце и въ крофь убиваютце. Какъ эвти кошки бьютце, дер., цѣп. и въ кр. убив., такъ дрались-бы, бил., цѣп. и въ кр. убивались (такой-то и такая-то). Выйду я изъ эвтого дуба на чистоѣ поле. Пойду я къ быстрой рикѣвъ; покорюсе и помолоюсе. Какъ у тя берега не сходятце вмѣстяхъ, такъ бы не сошлїсе (такой-то и такая-то) отъ ныни и до вїку, дрались и цапались и въ кровь убивались.—Аминь.

Причѣты надъ умершимъ дядей, съ которыми наказываетъ поклонъ своему умершему отцу:

Ты жолаивой мой дедюшка,
Ты снеси поклонъ да цѣлобятїицѣ
Моему родимому батюшкѣ.
Я напишу поклонъ да цѣлобятїицѣ

Не перожъ и не чернилами,
А горюцьми слѣзми текуцїими.
Ужь нажились мы три года круглые,
Много славушкѣ на чепорнилицѣ

Прослыли мы не досужими, да не ра-
богницами,

Похожалками и гуляками.

Жоланной мой родитель-батюшко

Пусь помолитце Пресвятой да Богоро-
двци.

Штобъ далá она здоровница

Моему желанному дѣдушкѣ.

Хоть онъ и старь-то да при старостѣ

И древѣнъ-то при древности,

А ушь все наредитъ насъ на роботушку.

Со цюжими людьми, со многими.

Ретиво-сердѣ да надрываютце,

Горючьими слѣзми да обливаетце.

Посылаётъ насъ на роботушку

Не жоланной-то родитель-батюшко.

Александръ *Мельницкій*.

Говоръ Великс-Устюжнаго Уѣзда. Волог. г.

Въ Устюжскомъ говорѣ 1) вѣсто *а* слышится *е*; напр.: *пецель*, *нацеть*, *пецеть*, (*печаль*, *начать*, *печать*); также *о*, напр. *согона*, *робота* (*сатана*, *работа*); *ы*, напр.: *сюды*, *туды*, *ковды* и *коуды*, *товды* и *тоуды* (*сюда*, *туда*, *когда*, *тогда*),

2) Вѣсто *е* слышится *а*, напр. *жалдѣю* (*желаю*), *крашанина*, *крошанина* и *крашенина* и *ишенина* (первое — *крашенный холстъ*, *полотно*, второе — отъ глаг. *крошить*), — *и*, напр.: *артиль* (*артель*) и т. д.

3) Вѣсто *е* — *ѣ*, напр., *дѣѣтъ*, *понимѣтъ*, *розумѣтъ*; *бѣлоѣ*, *малыѣ*, *бѣлыѣ е*, (*множ. числ.*), *ходитѣ къ намѣ*, *побесѣдѣмъ*; *объ ѣмъ*, *объ ѣи*, *еѣ я не вижу*, *у еѣ* (*безъ и*); *творенѣ*, *созданѣ*, *помышленѣ (іе=се)*, *вм. о — ѣ*, *ѣнъ*, *ѣна* (*онъ она*) и т. д.

4) *Ѣ* встрѣчается вѣсто *я* въ окончаніяхъ именъ существительныхъ средняго рода: *плѣмѣ*, *имѣ*, *врѣмѣ*, *берѣмѣ* (*племя*, *имя*, *время*, *беремя*); *далѣ*, — *е* *вм. я* встрѣчается въ *неопред. навл.*, *оканчивающемся на ять*, *понѣтъ*, *принѣтъ*, *занѣтъ* (*понять* и т. д.); также — *енцѣ* (*яйцо*), *всячинѣ* (*всѣчина*), *дѣдѣ* (*дядя*), *опетѣ* (*опять*), *племеньникѣ*, *масленьникѣ* (*племянникѣ*, *масляница*); *е* встрѣчается вѣсто *і*, *наприм. Божей цѣловѣтъ*, *вражей сынѣ* (*Божій*, *вражій*).

5) *А + е = а*, *напримѣръ*, — *понимаетѣ* и *понимать*, *бываетѣ* и *бывать*, *знаетѣ* и *звать*.

6) Вѣсто *ь* — *и*, *наприм.*, *сивѣръ*, *недѣля*, *пѣть пѣсьни*, *лѣфъ звирѣ*, *сьестѣ* (*сѣверѣ*, *недѣля*, *пѣть пѣсни* и т. д.); въ окончаніяхъ *неопред. вавл.* на *ть* *напр. владѣтъ*, *онѣмѣтъ* (*владѣтъ*, *онѣмѣтъ*).

7) Звукъ *о* встрѣчается вѣсто *і* и *ы* въ окончаніяхъ *им. прилагат.*, *наприм. хорошой*, *дѣброй*, *серѣбряной* (*вм. — шій, — рый, — ный*); — вѣсто *е*, *напр. жонѣ*, *пшонѣ*, *кажощѣ* (*жена*, *пшено*, *кажется*).

8) *У* слышится въ прошедшемъ времени вѣсто *л*, *напр.*, *слышау*, *пѣнау*, *буу*, *пшѣу* (*слышалѣ*, *понялѣ* и т. д.); въ словахъ, *оканчивающихся на л*, *напр.*, *козѣу*, *кѣлокоу*, (*козелѣ*, *колоколѣ*); въ срединѣ словъ, *напр.*, *доуго*, *поуно* (*долго*, *полно*); также *ѣ* слышится *вм. е* въ концѣ словъ: *Крылоу*, *Вакрылоу* (*Крыловѣ — ловѣ*); въ срединѣ словъ, — *напр. поддѣука* (*поддевка*), *заутра* (*завтра*), *дауно* (*давно*); въ началѣ словъ, *напр.*, *урагѣ урѣшь*, (*врагѣ*, *врѣшь*), *вм. з*, *напр. — коуды*, *коеды*, (*когда*), *тоуды*, *тоеды* (*тогда*) и т. д.

9) *Бм = мм*: *оммытъ*, *оммакнѣвать*, *омманѣвать*, (*обманѣвать* и т. д.), *бл*, *бр*, = *П* — *каралѣ* (*корабль*), *голдѣвъ* (*голавль*), *Декабрь* — *Дѣкапѣ*, *Ноябрь* — *Нояпѣ*, и т. д., *мм = мл*, *помлѣю* (*помню*), *сумленѣ* (*сомнѣніе*); *ст = с*, *страсъ*, *лѣсья* (*страсть*, *листья*); *вм. к — х*, *хрѣсьявнѣ*, *трахтъ* (*крестьянинѣ*, *трахтъ*); *жс = жжс*, *повѣжжсѣ* и т. д.

10) Твердое *л*, какъ *передъ и*, такъ и *передъ* другими согласными, *напр. болной*, *силной*, *болшѣушшой*, *балзѣнъ* (*и* *вм. м*), *олхѣвой прутѣ* (*больной*, *большой*, *бальзамѣ* и т. д.).